Вопросы философии. 2017. № 4. С. 181–189

О теории ценности (фрагменты)[1]

А. С. Лаппо-Данилевский

Ценность – не только функции воления (как желательность чего-либо и обр[атно]), но и *представление* о таковой (представление о желательности для меня данного объекта, причем последний – некое эмоциональное состояние)[2].

Если J характеризуется некоей комбинацией психических свойств видов: a, b, c, d... и если J испытывает a_n... d_n... то a_n... d_n – будут благоприятными эмоциями, ибо каждая из них может быть вставлена в соответствующую эмоциональную склонность.

Если же J испытывает P_n..., и оно не может быть вставлено в соответствующую склонность, то P_n будет неблагоприятной склонностью[3].

В силу присущей индивиду психической организации ему может быть свойственна определенного рода склонность к определенным же чувствам.

Ввиду вышесказанного соотношения между чувством и волей, соответствующее соотношение устанавливается между эмоциональною склонностью и волей[4].

Объектом оценки, казалось бы, могут служить:

1) непосредственно переживаемое в качестве чувствования[5] (наслаждение – страдание), если только допускать возможность сосуществования с ним воли.

2) представления с ассоциируемыми с ними чувствованиями, т.е. данная связь между известным представлением и известным чувствованием.

Но непосредственно переживаемое в качестве чувствования должно иметь содержание; чувствование без содержания – едва ли мыслимо; а содержание = представлению (в широком смысле) (A. Meinong[6]); значит, остается говорить о представлении, как об объекте оценки.

Переживание такого содержания – само дает материал для оценки?[7]

Следует, кажется, различать “переживание” от “чувствований”; последние только известного рода переживания.

В числе переживаний могут быть и представления; в числе представлений и представления субъекта о собственных его чувствованиях. Я могу внимательно относиться не столько к чувствованиям, сколько к представлениям о них; оценка, предполагающая волевое отношение к объекту, в частности, выбор и решение, едва ли возможна применительно к чувствованиям; оценке подлежат не чувствования, а представления о чувствованиях[8].

А *симпатизирует* B; можно ли сказать, что *поскольку* A симпатизирует B, он оценивает B? Едва ли: в противном случае в последнем утверждении переживание смешивалось бы с оценкой. Симпатия – переживаемое чувствование, а не оценивание субъектом A субъекта B[9].

Объектом волевого отношения моего я (оценки) является одно из моих *представлений*.

Таким представлением может быть и представление о связи между многими представлениями, образующими благодаря ей данную группу; поэтому можно ограничиться приведенной формулой или расширить ее так:

Объектом оценки является одно из представлений или группа представлений оценивающего субъекта.

© А.В. Малинов (подготовка текста, примечания), 2017 г.

Во всяком случае, в представлении можно различать *представимость* данного вне представляющего объекта и *содержание* представления.

Представимость – объективно абстрагируется; тем паче то же происходит и в оценке; объектом оценки становится чаще всего содержание данного представления[10].

Следует различать группировку суждений от группировки оценок. Группировка суждений может быть установлена или с точки зрения феноменологической, или с точки зрения реально-познавательной (психологической?). С формально-логической точки зрения следует различать суждения утвердительные и отрицательные, гипотетические и категорические; с реально-познавательной – суждения[11]: эстетические (связь между данным содержанием восприятия, т.е. представлением и порождаемым им впечатлением); рационалистические (термин мой), в которых устанавливается реальная связь между представлениями путем деятельности разума; и оценочные, в которых сознание становится в волевое отношение к своему содержанию, т.е. что-либо утверждает (одобряет) или отрицает (порицает); такие суждения иногда прямо отличаются от остальных суждений и называются просто оценками[12].

1. *Оценка прежде всего некое отношение данного я к одному из своих представлений.*

Если главные элементы сознания положим κ, ν, χ, θ, где κ = представление, ν = разум, χ – чувство, θ = воля и т.п., то [f (κ_m, κ_n) = суждение или] f (κ, ν, χ, θ...) = J = = я = субъекту в данный момент (здесь термин “я” употребляется не в метафизическом, а в *психологическом* смысле); объединение элементов J не только в виде *единства сознания*, но и в данном *акте*, в разбираемом теперь роде случаев, самом акте оценки, как таковом); причем можно теоретически всегда построить J так, что $\nu = \nu_o$ или $\theta = \theta_o$ и т.п. Если взять J по ν, то f [J_ν, φ (κ_m, κ_n)] есть суждение, но при f^n (J_ν) = lim. 0, т.е. при возможно исключительном преобладании в J одного ν, можно изобразить суждение φ (κ_m, κ_n), а Φ [J, κ] есть оценка. Но J преимущественно характеризуется как J (если брать его по элементам) по χ и θ, а не по ν.

Ср[авни] учение Шлейермахера о переносимости состояния J_ν и непереносимости состояния J_χ или J_θ; ср[авни] Pfaender <...>. *Они* приводятся здесь как факты, ибо сами в себе наблюдали то, что говорят[13].

Значит *оценка, как переживаемое данным я отношение его к одному из своих представлений* характеризуется формулой:

Φ [$J_{\theta+x}$, κ].

Разберем $J_{\theta+\alpha}$ и κ порознь[14].

Испытывать наслаждение или страдание не значит еще оценивать то представление, которое связано с объектом, вызывающим такие состояния.

Я испытываю наслаждение или страдание только в тот момент, когда они даны (или в объективном воздействии на меня чего-либо или в представлении, так или иначе на меня действующем).

Для оценки нужно самое страдание или наслаждение *свое* сделать *предметом* оценки.

Мне нравится или противен такой объект, поскольку я думаю о том, что состояние, им вызванное, повторится или прекратится, словом, поскольку я желаю его или обратно.

Значит, в основе того состояния, которое я испытываю, когда говорю: “мне нравится” или “мне не нравится”, – лежит волевой акт.

Оценкой в широком смысле, пожалуй, можно означать и эмоциональное отношение, но в узком и определенном смысле только волевое отношение, что разумеется нисколько не исключает наличности в конкретных случаях и чувствований и разума[15].

Различие между переживанием (испытыванием) чего-либо основано м[ежду] пр[очим] на том, что оценке подлежат не чувствования, а представления о них; полагая данное чувствование = x_1, представление о нем = $x_{1,k}$, чувствования, вызываемые представлением $x_{1,k} = \sqrt[n]{x_1}$, можно сказать, что $\sqrt[n]{x_1}$ всегда < x_1.

Отсюда легко вывести, что, в оценке представлений, чувствования всегда играют второстепенную роль в вышеуказанном смысле; значит эмоциональное переживание и оценка – состояния разные[16].

Но удобнее для научного построения V:

брать θ и x_k

или брать x и θ_k

x и x_k

x есть чувствование

x_k представление о чувствовании.

θ_k (поскольку оно зависит от θ) окажется весьма однообразным (разумеется, только в интенсивности), то, очевидно, построение:

$V = f(x, \theta_k)$ не будет соответствовать большинству наших оценок.

Если брать x и x_k, то в выражении $V = f(x, x_k)$ надо различать два случая.

Когда x имеет одинаковое значение (одно и то же чувствование) $V = f(x_1, x_{1,k})$, когда x имеет разные значения (разные чувствования), т.е. $V = f(x_1, x_{2,k})$.

При $f(x_1, x_{1,k})$

$x_{1,k}$ или просто воспоминание об x_1, не окрашенное чувством, тогда и оценки не могут быть; будет в сущности ассоциация между x_1 и $x_{1,k}$, которая испытывается студентом и сама подлежит его оценке. Впрочем, можно сказать, что x_1 стремится вызвать в субъекте соответственное представление $x_{1,k}$, сливающееся с уже данным $x_{1,k}$; с данной т[очки] зр[ения] и ассоциация (если полагается, что она возможна только между двумя представлениями) – не обращается.

$x_{1,k}$ есть воспоминание об x_1, окрашенное чувством; последнее тождественно с x_1, но слабее (как вызванное воспоминанием); тогда x_1 и $x_{1,k}$ в эмоциональном отношении будут сливаться и испытывание x_1 нельзя будет отличить от оценки $x_{1,k}$.

При $f(x_1, x_{2,k})$

$x_{2,k}$ другое чувствование, чем x_1 по роду своему (напр[имер], если x_1 – любое, x_2 – зависит и т.д.); тогда, если $x_{2,k}$ не есть одно только представление $f(x_1, x_{2,k})$, как ассоциации[17], надо полагать, что вызванное им чувствование, положим $\sqrt[n]{x_2}$ иное, чем x_1. Одновременное сосуществование двух разных чувствований в одном и том же сознании, если даже предположить возможность ее, еще не представляет оценки: для сравнения x_1 и $\sqrt[n]{x_2}$ нужно иметь какой-либо общий масштаб; таким масштабом и оказывается θ; если я могу сравнивать мое влечение к x_1 и к $\sqrt[n]{x_2}$ или, пожалуй, к $x_{1,k}$ $x_{2,k}$; ясно, что такое влечение может иметь разную интенсивность, сообразно с которой я и произвожу оценку.

Если $U_1 = f(\theta, x_{1,k})$, при $\theta = +1$

$U_2 = f(\theta, x_{2,k})$, при $\theta = -1$?

то $U_1 = +f(x_{1,k})$

$U_2 = -f(x_{2,k})$[18].

Так как при определении U мы берем не $U = f(\theta, K)$, а $U = f(J_\theta, K)$, то, даже полагая θ не элементарным, а сложным продуктом психической жизни J, можно говорить об оценке, как о волевом отношении[19].

Волевой процесс, м[ожет] б[ыть], уже обнаруживается в самом элементарном виде в некотором влечении (ср. Drang), порождающем чувство активности (последнее свидетельствует о самой активности), но еще без определенной ориентировки или с очень низкими пределами ее, напр[имер] влечение к разряду накопившихся сил (ср. движения ребенка в самом раннем периоде его развития)[20].

В оценке есть

1) *внимание* к тому, что оценивается (держание его перед собой в своем сознании).

2) *выбор того* объекта, который я признаю ценным (+ или –).

3) *решение*, что *данный* объект и представляет для оценщика определенное положительное или отрицательное значение.

Все эти моменты, без которых нет оценки, характеризуют не чувствования, а волю[21].

В оценке (по кр[айней] мере в высших ее формах) есть *выбор и решение*, т.е. моменты, характеризующие волевой процесс.

В оценке есть и *целеполагание* – т.е. <...> момент, характеризующий волевой процесс.

Выбирание, решение и целеполагание нельзя вывести из чувствований; будучи функцией разума, они тесно связаны со сложными волевыми процессами.

Оценка данных объектов, как *средств*, пригодных для достижения данной цели, тоже обнаруживает волевое отношение, а не чисто эмоциональное[22].

Волевой характер оценки обнаруживается в том, что

1) в основе евдемонической оценки всегда лежит *целеполагание*; я всегда ценю данный объект с телеологической точки зрения, как средство для достижения удовольствия или пользы.

2) в основе нормативной оценки всегда лежит признание *нормы, как высшей цели*, само признание нормы, как чего-то должного, предполагает волевой акт, направленный на осуществление долженствующего быть[23].

В основу оценки надо полагать *волевое* отношение на том основании, что, в противном случае, чрезвычайно важный класс оценок, а именно нормативные оценки нельзя будет подвести под общий признак.

Ясно, что в чувствовании нельзя видеть основы для нормы; и наоборот, понятие о воле легко положить в основу нормативной оценки, поскольку она опирается на сознание *должного*; а *если* принять последнюю точку зрения, то вышесказанное получает силу[24].

Если оценке подлежат представления, то не следует забывать, что само представление тесно связано с волевым процессом[25].

<И.Г. Фихте> забывает о возможности аналитически различать представление от воли, но, м[ожет] б[ыть], правильно указывает на то, что в действительности они порознь не встречаются[26].

Волевое отношение к переживаемому (а не только к могущему быть или будущему).

В пользу такой гипотезы можно привести следующие соображения:

1) В определении оценки принято во внимание отношение данного *я* к одному из своих представлений. С теоретико-аналитической точки зрения в этом *я* должно признавать K, V, Θ, X...; отсюда возможность выражения

φ (J_θ, k), которое при сильной напряженности θ приближается к виду φ (θ, k).

2) В оценке речь идет о волевом отношении данного я к одному из своих *представлений*; когда говорят, что можно желать только то, что может быть, имеют в виду не представимость, а содержание представления; но и могущее быть есть тоже представление о могущем быть, значит и тут обнаруживается волевое отношение к переживаемому = представлению оценивающее и могущее быть; а волевое отношение к своему представлению о могущем быть, и есть в сущности волевое отношение к одному из своих представлений, только с известным содержанием; содержание его рассматривается как могущее быть.

3) Следует различать выражения:

a) Я желаю, чтобы *переживаемое мною* состояние действительно продолжилось в будущем.

b) Я желаю, чтобы *могущее быть* действительно произошло в будущем,

Мне кажется, что выражение *a* не имеет ничего противуестественного; а если оно естественно, то *предполагает* (в аналитическом смысле) наличность волевого отношения к своему представлению о непосредственно переживаемом (а м[ожет] б[ыть] и непосредственно переживаемому?).

4) Можно указать случаи, когда волевое отношение обнаруживается к переживаемому:

a) Близкий мне человек испытал тяжелую болезнь. Представление о ней может вызвать во мне разные чувствования:

если я представляю себе, что я *тогда* пережил, или думаю, что болезнь может повториться в *будущем*, – мне становится тяжело; я *не хочу* этого.

Если я представляю себе, что *теперь* болезни нет, [то] я испытываю удовольствие; само собою разумеется, что оно вызвано не отсутствием болезни, а представлением об отсутствии болезни; я *хочу* этого.

Ясно, однако, что в последнем случае я обнаруживаю волевое отношение к переживаемому мною в данный момент; как только я перенесу свое внимание на прошлое или будущее, мое волевое отношение меняется; оно не возникает, а только меняется и по такой перемене я могу заключить, что оно было и в настоящем, но иным, чем стало.

b) Когда я признаю ценность истины, я хочу ее, как чего-то ценного не только в прошлом и будущем, но и в настоящем; в противном случае я отрицал бы общезначимость и постоянство (вечность) истины, т.е. не ценил бы истины в ее вечном значении.

c) То же должно сказать и относительно этических правил; я хочу быть нравственным в каждый момент моего существования, а не в будущем только; я ценю нравственность не только в ее прошлом или будущем, но и в ее настоящем.

d) То же самое должно сказать и относительно эстетических правил; я обнаруживаю положительное волевое отношение к произведению искусства в момент переживания испытываемого от него впечатления[27].

Если полагать, что объектами оценки в сущности (ввиду отличия оценки от переживания) являются представления, то значит оценка возможна и при переживании? (т.е. не одного могущего быть, но и переживамого?)[28].

Возможно, что в самом хотении (Wollen) и действии уже есть удовольствие; ср. движения, производимые новорожденным[29].

Критерий оценки можно выяснить или в формальном или в реальном смысле (последнее всего удобнее сделать в связи с систематикой оценок)[30].

В основе эмоциональная теория оценки недостаточна, ибо чувствование – есть испытывание чего-либо, а оценка есть некоторое отношение к испытываемому, но если испытываемое отношение – тоже эмоция – то она в свою очередь требует отношения к ней для оценки и т.д. ad infinitum. Напротив, при волевой теории это отношение есть *активное* отношение моего я к представлению[31].

Представимость *данного* представления может быть в свою очередь представлением? (содержание которого есть представление).

Данное чувствование без содержания – едва ли мыслимо (значит – представление).

Если объектом оценки становится чувствование вообще, то разве только в смысле представления о чувствовании[32].

Фактически представление в связи с чувствованием часто бывает объектом оценки; но теоретически и принципиально предполагать необходимость такой связи значит в результате допускать эгоистическое, гедонистическое или евдемонистическое построение морали.

Волевое отношение к своему представлению (и только) – в этом отношении лучше для общей теории; но фактически – большинство представлений ассоциируется с известными чувствованиями.

Так ли?[33]

<Р. Декарт>

Он различает две способности: волю и разум; благодаря разуму, я ничего не утверждаю и ничего не отрицаю, а только построяю идеи о вещах, которые *могу* (проблематический характер суждения и теперь признается единственным, приличным для *теории*) утверждать или отрицать, т.е. утверждение или отрицание чего-либо в *действительности* (а не только проблематическое суждение? – единственно допустимое в чистой теории?).

Тут в зародыше позднейшая теория о различии между *суждением* (высказывающим известное рациональное отношение между двумя представлениями) и *оценкой*

(основанной на известном волевом, целеполагающем или же эмоциональном отношении субъекта к объекту).

Декарт указал также на *различие в ценности* “вещи”, смотря по тому, рассматривается ли она *сама по себе* или *как часть всего мира*. Т[аким] о[бразом], Декарт усматривал тесную связь между понятиями о *ценности* и о *“части”*, т.е., в сущности, об индивидуальности, как части целого.

Декарт связывал оценку с волевым процессом, но не указал на *эмоциональные* факторы оценки.

В то время эмоции еще слишком мало обращали на себя внимание; *Руссо* впервые стал настаивать на самостоятельном значении их в душевной жизни человека, а *Шлейермахер* учил, что индивидуальность основана прежде всего на чувстве[34].

Т[аким] о[бразом] Шлейермахер подходил довольно близко (хотя и ощупью, не без значительных промахов) к двум выводам:

1) что чувство лежит в основе особого рода отношения каждого из нас к его представлениям; весьма характерно, что Schl[eiermacher] в рукоп[иси] 1812 называл чувство – “Sujet Erkennen” (термин едва ли удачный); в данном случае Schl[eiermacher] приближался к понятию об оценке.

2) что чувство лежит в основе индивидуальности; а индивидуальное (по новым теориям) и подлежит оценке[35].

Декарт не указал, однако, на связь между волей и целеполаганием. Последнее развито Кантом (Хотя и *Спиноза* и *Юм* точно указывали на субъективный характер оценивания). Кант чаще говорит о *целях*, чем о ценностях. Ясно, однако, что *понятие о цели предполагает понятие о ценности*: я могу ставить себе целью лишь то, чему я придаю (erfahren habe) ценность. Хотя Кант ни в своей Психологии, ни в своей Этике не дал правильной конструкции такого соотношения, однако, можно сказать, что когда он противополагает *причинность, царящую в природе, “царству целей”*, он разумеет под ним то же, что позднейшие философы назвали *“царством ценностей”*.

Во всяком случае, на почве Кантианской философии впервые возникла философская система Фриса (*Fries*, System der Philosophie. Lpz., 1804, § § 238, 255, 330; его же: Neue Kritik der Vernunft. Heidelberg, 1807, I, 208 ff; III, 14); он исходил из понятия о ценности в построении своего учения[36].

Таким образом, уже в философии XVII–XVIII вв.

1) начали полагать различие между *суждением* и *оценкой* (Декарт, Кант).

2) в основу оценки стали полагать волевой или эмоциональный процесс (Кант, Шлейермахер).

В XIX в., после того как *Гербарт* и *Лотце* содействовали распространению понятия об оценке, те же вопросы подвергались дальнейшему обсуждению, причем стали различать *гносеологическую* (логическую) постановку вопроса от *психологической*.

С *гносеологической* точки зрения стали в сущности различать суждение и оценку.

С *психологической* точки зрения старались выяснить психические *факторы* (а не основания оценки: волю или чувство).

Впрочем, логическая точка зрения легко примешивалась к психологической, гл[авным] об[разом] в рассуждениях об Wertur Theil, выражения едва ли допустимого с точки зрения гносеологического различия между суждением и оценкой[37].

Фрис принадлежал к *психологизирующему* направлению, представители которого стремились перевести *критический* принцип самопознания человеческого разума на язык *эмпирической психологии*.

Фрис полагал, что *непосредственная* достоверность дана в *чувстве*, но непосредственное *познание чувства* – смутное; оно должно быть возведено на степень ясного и достоверного сознания путем рефлексии; т[аким] о[бразом] *разум* обладает лишь *опосредованной достоверностью*.

В своей метафизике Фрис рассуждает о приложении категорий к познанию, т.е. тех понятиях, которые получаются в связи с какой-либо категорией из восприятия (Auschauung) и которые он называет *схемами* категорий в том случае, когда категории

прилагаются к внутренней психической природе (к “идее души”) схематизм дает “абсолютные идеи” и оказывается “нравственным”[38].

Проблематическое суждение есть единственный род “суждений”, в котором сознание воздерживается от оценки.

“Положение: А может быть В, сохраняющее значение одновременно с обратным положением: А может быть не В, только в том случае есть действительно проблематическое суждение, когда оно означает, что о *ценности* соединений представлений А–В не должно быть высказано никакого решения” *(Виндельбанд).*

Оценка, напротив, с особенною ясностью выражается в *отрицательных суждениях* (это Зигварт).

В положении “А не есть В” в сущности два суждения:

1) *суждение*, что А *есть* В;

2) суждение, что такая связь *ложна*; в последнем случае сознание *неодобрительно* относится к попытке связать А с В (т.е. два представления).

Это второе суждение (связь А–В – ложна) *нельзя* признать *новым* теоретическим суждением в смысле простого соединения представлений.

Ибо как таковое (т.е. как теоретическое) оно в свою очередь нуждалось бы в дополнительном суждении, в котором утверждалась бы его правильность и т.д. до бесконечности (это Лотце).

Итак, второе суждение (о ложности связи между А и В) основано не на теоретической, а на *практической* функции (т.е. чувства и воли); оно есть *суждение о познавательной ценности первого суждения* (А есть В), т.е. оценка этого суждения; оно – не Urteil, а Beurteilung (Виндельбанд).

В *утвердительных* суждениях (ассерторических) – такой же элемент оценки тоже присутствует, но в более скрытом виде, чем в суждениях отрицательных. Истинность данного утверждения лежащая в его основе – есть то же признание его познавательной ценности, только не отрицательной, а положительной.

Такая точка зрения особенно развита Риккертом.

Суждение и оценка обыкновенно встречаются не порознь, а вместе – Виндельбанд.

Ценность того, что совершается с естественной необходимостью, определяется на основе идеальных норм. Различие между законом природы и нормой идеальной оценки. Определение нормы. *Сознание нормы* обеспечивает правильность мышления, поступков и т.п.

В *признании теоретико-познавательного значения оценки* Риккерт пошел еще дальше Виндельбанда.

По его мнению, *всякое суждение*, поскольку оно стремится к истине, основано в конце концов на оценке; значит и *проблематические* суждения включают ее.

Суждения имеют значение для познания лишь в том случае, если смысл его в *утверждении или отрицании*.

Таким образом, каждое суждение (с *гносеологической* т[очки] зр[ения]) можно разложить на две составные части: 1) на связываемые в нем представления и 2) на особого рода элементы, состоящие в положительном (или отрицательном) *отношении субъекта* представляющего к содержанию своих представлений, т.е. в его утверждении или отрицании.

Дерево (есть) зелено: 1) зеленость дерева – как мое представление; 2) – есть – т.е. *да*, существует в действительности.

Такое отношение *нельзя*, однако, *вывести из* самих представлений.

То, что я утверждаю, должно мне нравиться (для того, чтобы дойти до его утверждения), то, что я отрицаю (в таком же смысле), вызывает мое неудовольствие.

(С такой точки зрения можно сказать, что самая очевидность – мне нравится, а противуположность ее – вызывает мое неудовольствие, на каковом *основании* (не причина) – я утверждаю очевидность, и отрицаю – обратное.)

Здесь нет нужды излагать гносеологическую теорию Риккерта, основанную на выше приведенных соображениях.

Признавая суждение истинным, я в сущности опираюсь на *чувство* очевидности или истинности и утверждаю, что в данном случае и при данных условиях я *должен* был мыслить именно так, а не иначе, *для того чтобы* достигнуть истины, и на этом *основании* верю в *вечное* значение моего суждения. Суждение признается мною истинным, когда данный комплекс моих представлений сопровождается во мне *чувством* необходимости такого суждения.

Признание Urteilsnotwendigkeit или (Notwendigkeit) необходимости данного суждения равносильна признанию его долженствования, которое и придает ему истину, а признание его долженствования есть его оценка; значит данное суждение ценно не на том основании, что оно истинно, а, напротив, *оно истинно на том основании, что ценно*.

Т[аким] о[бразом] всякое суждение, поскольку оно содержит утверждение или отрицание чего-либо, выражает то отношение, в какое сознание *ставит себя к чему-либо должному* и включает признание ценности содержимой в нем истины.

Если в каждом суждении (поскольку оно стремится к истине) есть оценка, то и *проблематические* суждения связаны с нею.

По крайней мере каждому такому суждению предшествуют суждения с утверждением или отрицанием.

Говоря, что А м[ожет] б[ыть] В, но А м[ожет] б[ыть] и не есть В, я в сущности уже предрешил вопрос о том, в *каком отношении* я стою к самому суждению подобного рода: я *отрицаю* за собою право ассерторически высказаться о предмете проблематического суждения, следовательно, образованию проблематического суждения всегда по меньшей мере предшествует (а м[ожет] б[ыть] и сплетается с ним) – *отрицательное суждение*.

Итак, нельзя образовать *логически совершенное* суждение без того, чтобы притом не утверждать или не отрицать чего-либо или по крайней мере предварительно не подвергнуть чего-либо утверждению и отрицанию, а в них есть нечто не выводимое из функций разума (в узк[ом] смысле): они основаны на волевом или экзистенциальном отношении субъекта к содержанию своих представлений[39].

Различие между суждением и оценкой, например, можно усматривать м[ежду] пр[очим] и в том, что логически нельзя доказать характера требования, присущего тому, что мы называем эстетически ценным: в утверждении, что красивое есть только разновидность приятного, и что между поэзией и поваренным искусством различие состоит только в материале и технике, – нельзя усматривать логического противоречия[40].

Примечания

[1] Подготовка текста и прим. А. В. Малинова в рамках НИР СПбГУ (23.38.328.2015). Подчеркивания в тексте при публикации переведены на курсив.

[2] СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 6.

[3] Там же. Л. 8.

[4] Там же. Л. 9.

[5] А не только ощущения. (Прим. А. С. Лаппо-Данилевского. – *А.М.*)

[6] Мейнонг Алексиус (1853–1920) – австрийский философ и психолог, ученик Ф. Брентано, создатель собственной теории ценностей.

[7] СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 13.

[8] Там же. Л. 14.

[9] Там же. Л. 15.

[10] Там же. Л. 16.

[11] Это притом очевидно соответствует известному делению на ощущения (чувства), разум и волю. (Прим. А. С. Лаппо-Данилевского. – *А.М.*)

[12] СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 21.

[13] Там же. Л. 23.

[14] Там же. Л. 24.

[15] Там же. Л. 25.

[16] Там же. Л. 26.

[17] Здесь полагая, что x_1 стремится вызвать соответственное представление $x_{1,k}$, которое и ассоциируется с x_1, $x_{2,k}$ $x_{2,k}$. (Прим. А. С. Лаппо-Данилевского. – *А.М.*)

[18] Там же. Л. 27–29.

[19] Там же. Л. 31.

[20] Там же. Л. 33.

[21] Там же. Л. 34.

[22] Там же. Л. 35.

[23] Там же. Л. 36.

[24] Там же. Л. 37.

[25] Там же. Л. 38.

[26] Там же. Л. 38.

[27] Там же. Л. 41, 44, 45, 46.

[28] Там же. Л. 42.

[29] Там же. Л. 43.

[30] Там же. Л. 47.

[31] Там же. Л. 48.

[32] Там же. Л. 50.

[33] Там же. Л. 51.

[34] Там же. Л. 87–89.

[35] Там же. Л. 89.

[36] СПФ АРАН. Ф. 113. Оп. 1. Ед. хр. 337. Л. 90.

[37] Там же. Л. 91.

[38] Там же. Л. 92–93.

[39] Там же. Л. 110–116.

[40] Там же. Л. 117.